

СОЦИОЛОГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

DOI: 10.14515/monitoring.2019.3.05

Правильная ссылка на статью:

Филоненко Ю. В., Яковлева Е. А. Субъективное благополучие научно-педагогических работников современных университетов в рамках концепции баланса жизни и труда // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 3. С. 68—85. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.3.05>.

For citation:

Filonenko J. V., Yakovleva E. A. (2019) Subjective well-being of academic staff in modern universities in the context of work-life balance. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 68—85. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.3.05>.



Ю. В. Филоненко, Е. А. Яковлева СУБЪЕКТИВНОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИХ РАБОТНИКОВ СОВРЕМЕННЫХ УНИВЕРСИТЕТОВ В РАМКАХ КОНЦЕПЦИИ БАЛАНСА ЖИЗНИ И ТРУДА

СУБЪЕКТИВНОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИХ РАБОТНИКОВ СОВРЕМЕННЫХ УНИВЕРСИТЕТОВ В РАМКАХ КОНЦЕПЦИИ БАЛАНСА ЖИЗНИ И ТРУДА

SUBJECTIVE WELL-BEING OF ACADEMIC STAFF IN MODERN UNIVERSITIES IN THE CONTEXT OF WORK-LIFE BALANCE

ФИЛОНЕНКО Юлия Вячеславовна — кандидат экономических наук, доцент экономического факультета, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия
E-MAIL: uafiloni@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-9652-6052>

Julia V. FILONENKO¹ — Cand.Sci. (Econ.), Associate Professor, Faculty of Economy
E-MAIL: uafiloni@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-9652-6052>

ЯКОВЛЕВА Елена Андреевна — кандидат экономических наук, доцент экономического факультета, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия
E-MAIL: eayakovleva@sfedu.ru
<https://orcid.org/0000-0003-1335-7888>

Elena A. YAKOVLEVA² — Cand.Sci. (Econ.), Associate Professor, Faculty of Economy
E-MAIL: eayakovleva@sfedu.ru
<https://orcid.org/0000-0003-1335-7888>

¹ Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Аннотация. В статье представлены результаты исследования субъективного благополучия определенной социальной группы — научно-педагогических работников современных университетов. Приведены результаты качественного исследования — проведенных в сентябре-декабре 2018 г. 50 глубинных интервью научно-педагогических работников шести российских вузов. В статье на основе междисциплинарного подхода (институциональной и поведенческой экономики, позитивной психологии, социологии) углублено понимание детерминант субъективного благополучия социально-профессиональной группой преподавателей высшей школы и идентифицирован вклад в этот феномен фактора баланса интенсивности работы и качества личной жизни и сделан вывод об их значимой обратной связи и связи с профессиональными характеристиками на основе аффективного компонента субъективного благополучия.

Ключевые слова: субъективное благополучие, баланс работы и жизни, научно-педагогические работники

Благодарность. Исследование выполнено в рамках гранта РФФИ 18-010-00952 «Исследование субъективного благополучия россиян на примере научно-педагогических работников: факторы и динамика»

Abstract. The article is devoted to subjective well-being in a specific social group – modern academic staff. The authors present the findings of qualitative studies involving 50 in-depth interviews with the faculty staff conducted in September-December 2018 in six Russian universities. Using an inter-disciplinary approach (institutional and behavioral economics, positive psychology, and sociology) the authors deepen the understanding of the determinants of subjective well-being. They describe how the balance between the work intensity and the quality of life shapes the phenomenon and conclude that the feedback and connection with professional characteristics based on affective aspects of subjective well-being are crucial.

Keywords: subjective well-being, work-life balance, academic staff

Acknowledgments. The study is part of the RFBR (Russian Foundation for Basic Research) project 18-010-00952 “Subjective well-being study among Russian academic staff: factors and dynamics”.

Изменения в мировой и отечественной образовательной сферах актуализируют проблему экономической и административной эффективности научно-педагогических работников современных университетов. Это подтверждается включением этих тем в круг проблем, рассматриваемых в ведущих докладах и отчетах об образовании: «Всемирный доклад по мониторингу образования ЮНЕСКО» [Global Education Monitoring Report, 2018], «Horizon Report: 2018. Higher Education Edition» (отчет международного сообщества экспертов в области образовательных тех-

нологий New Media Consortium и сообщества институтов высшего образования Educause), а также в «Докладе о мировом развитии 2018: обучение как средство реализации образовательных перспектив» Всемирного Банка, который впервые посвящен исключительно образованию, вопросам управления образованием, эффективности и результативности деятельности научно-педагогических работников вузов как особой социальной группы, генерирующей значительный вклад в развитие человеческого капитала.

Теоретические координаты

Обсуждаемая тема имеет многолетнюю междисциплинарную библиографию, представленную работами экономистов Р. Истерлина, Р. Лэйярда [Easterlin, 2005; Layard, 2010], психологов Д. Канемана и М. Селигмана [Kahneman, Deaton, 2010; Селигман, 2013], социологов Р. Винховена, Р. Инглхарда [Inglehart, Welzel, 2010; Veenhoven, 2005] и других ученых в области субъективного экономического благополучия (subjective well-being) и фелицитарных теорий, также разносторонне представленных в отечественной науке [Антипина, 2012; Кислицина, 2016; Козырева, 2015; Хашченко, 2011]. При этом рядом ученых выявлена взаимосвязь высокого уровня субъективного и профессионального благополучия [Diener, 2004; Rath, Harter, 2010], его значения в продуктивности, компетентности и отношении сотрудников к результатам труда [Oswald, Proto, Sgroi, 2015: 801], а также взаимосвязи профессиональной идентичности, самореализации, мотивации с субъективным благополучием в трудовой сфере [Warr, 2013; van Horn, 2004] с учетом эмоционального, мотивационного и поведенческого компонентов [Van Horn, Taris, Schaufeli, Schreurs, 2004].

Интерпретация субъективного благополучия в профессиональной сфере в рамках общепринятых моделей взаимоотношения между работой и личной жизнью [Zedeck, Mosier, 1990, O'Driscoll, 1996] с учетом факторов баланса [Guest, 2002, Greenhaus et al., 2003] и верификации с проведенными исследованиями и применение нарративного анализа [Akerlof and Snower, 2016, Вольчик, 2017] позволяет определить баланс между потребностями индивида и социальной группы, понять особенности социального контекста, в котором происходят действия данной профессиональной группы. Настоящее исследование, опираясь на обозначенные достижения, дополняет исследования детерминант субъективного благополучия научно-педагогических работников вузов с учетом влияния профессионально значимых факторов и феномена фактора баланса интенсивности работы и качества личной жизни.

Методология и концептуальные основы

Применяемый в исследовании потенциал традиционного инструментария экономических, социологических и психологических наук дополняется методологическим синтезом институциональной и поведенческой экономики, экономики счастья, теории человеческого капитала, микросоциологии, позитивной психологии. Это позволяет интерпретировать критерии благополучия динамично меняющихся приоритетов социально-экономического развития современного общества. Динамичность сферы образования тестируется институциональной плотностью,

репрезентантом которой выступает количество формальных институтов. В то же время институциональный анализ позволяет выявить тот противоречивый набор неформальных институтов (норм, стереотипов и правил поведения) преподавателей и студентов в образовательной среде, который трансформирует их социальные ориентиры, действующие правила и поведенческие паттерны [Институциональные изменения структуры российской сферы образования, 2017: 24], а психологический анализ — наблюдать и интерпретировать целерациональные действия и поведение человека через социокультурные и ценностно-смысловые структуры. Понятие «субъективное благополучие» (subjective well-being (SWB)) мы понимаем как субъективную оценку индивидом его экономического и социального положения и его личное восприятие своего состояния в триаде аффекта (совокупности чувств и настроений человека), счастья (превышения положительных эмоций над отрицательными) и удовлетворенности жизнью (как когнитивная сторона субъективного благополучия). Междисциплинарный подход проявляется здесь в том, что феномен счастья трактуется в рамках социально-философского анализа как высшее благо, возможное и достижимое состояние человеческого бытия. Термин «удовлетворенность жизнью» в психологической трактовке наполнен личностными детерминантами и проявляется как результат социального сравнения фактического статуса человека с его притязаниями, потребностями и восприятием собственного положения или с финансовой ситуацией у референтной группы [Хашченко, 2011: 107—108].

Экономические и социологические исследования акцентируют внимание на измерении субъективного благополучия количественными и качественными методами. Количественные методы включают разнообразные подходы, методы, инструменты, апробированы мировыми исследовательскими центрами, отдельными учеными или коллективами ученых и в полной мере систематизированы О. Кислициной: от «приборной панели» (dashboard) до разнообразных рейтингов и индексов благополучия (индекс человеческого развития, индекс благополучия Gallup-Healthways, канадский индекс благополучия — Canadian Index of Wellbeing, всемирный индекс счастья, индекс процветания Института Legatum и др.) [Кислицина, 2016].

М. Флербе, рассматривая классические и современные аргументы за и против монетарных агрегатов общественного благосостояния, их альтернативы и способы агрегирования индивидуального благополучия в общественное благосостояние, указывал на некоторый недостаток современного инструментария измерения субъективного благополучия. Он проявляется, по его мнению, в отсутствии разделения между когнитивными оценками (что люди думают о своей жизни) и аффективными эмоциональными состояниями (как они чувствуют себя в своей жизни), то есть между суждениями и аффектами [Флербе, 2012: 35].

Вслед за Д. Стиглицем, А. Сен, Ж.-П. Фетусси, предложившими учитывать в расчетах индекса благополучия не только цифровые показатели, но и мнения/суждения о доходе, работе, гражданских правах, образовании, жилищных условиях, экологии, здоровье, безопасности, соотношении работы и отдыха [Stiglitz, Sen, Fitoussi, 2009], соглашаясь с В. Хашченко о необходимости учета системы ценностей и целей человека, транслируемых им индивидуальными стандартами благосо-

стояния, культурных особенностях, а также самооценки себя как экономического субъекта и осознаваемых элементов отношения личности к собственному материальному благополучию и перспективам его изменения [Хашченко, 2011: 109], поставим исследовательский вопрос следующим образом. Анализ субъективного благополучия научно-педагогических работников современных университетов заключается в апробации измерителей, используемых в самооценочных интерпретациях для взвешивания различных аспектов их жизнедеятельности с учетом собственных жизненных ценностей, связанных с профессиональной деятельностью и степенью влияния ощущения субъективного благополучия на эффективное поведение в профессиональной деятельности.

Уточним важность этого направления. Ряд исследований показывает, что профессия, профессиональная идентичность, самореализация, мотивация связаны с субъективным благополучием в трудовой сфере и отражают стремление индивида к росту и развитию, его компетентность, отношение к результатам труда [Diener, 2004; Rath, Harter; 2010; Warr, 2013; van Horn, 2004]. По данным исследований Университета Уорвика, для работника с достаточно высоким уровнем субъективного благополучия характерна высокая продуктивность, стабильность, он реже увольняется с работы, и даже берет меньшее количество больничных [Oswald, Proto, Sgroi, 2015: 801].

В научной литературе представлены исследования зарубежных и отечественных исследователей, выявивших критерии субъективного благополучия в профессиональной сфере, компоненты благополучия представителей различных профессий (медицинских сестер, реанимационных работников (проблемы выгорания и эмоциональности), инкассаторов и работников охранных, спасательных служб (как имеющих определенную специфику трудовой деятельности), спортсменов и др.) [Березовская, 2016; Творогова, 2017; Хвостикова, 2012; Шамионов, 2010]. Чрезвычайно актуальной эта тема представляется в специфической сфере российского образования, так как взаимосвязь удовлетворенности трудом и эмоционального благополучия в научно-педагогической деятельности с субъективным благополучием в целом детерминирует включенность (аффективность) педагогов в их профессиональную деятельность.

Дизайн исследования

Эмпирическое исследование субъективного благополучия научно-педагогических работников и взаимосвязи баланса между их работой и личной жизнью с учетом особенностей профессии основано на качественных методах включенных наблюдений и глубинных интервью, проведенных в сентябре-декабре 2018 г. с использованием целевого (целеориентированного) типа выборки невероятностным методом «снежного кома» на базе социальных сетей респондентов, обеспечивая «отбор информационно богатых случаев для глубинного изучения» [Штейнберг, Шанин, Ковалев, Левинсон, 2009: 72]. Принцип отбора потенциальных респондентов, представленных 50 научно-педагогическими работниками российских региональных, федеральных и опорных вузов (Южный федеральный университет (г. Ростов-на-Дону), Северо-Кавказский федеральный университет (г. Ставрополь), Сибирский федеральный университет (г. Красноярск), Крымский федеральный

университет (г. Симферополь), Донской государственный технический университет (г. Ростов-на-Дону), Кубанский государственный университет (г. Краснодар)) основывался на «институциональной» выборке — выявлении индивидов, принадлежащих к определенному институту, в нашем случае — к институту высшего образования.

Метод полуструктурированного глубинного интервью применялся нами в трактовке С. Квале и выбран в силу того, что в ходе индивидуального интервью респондент обсуждает личные темы, вопросы удовлетворенности, качества жизни, субъективного благополучия, рассуждая, проявляя неформальные, порой неочевидные аспекты той или иной проблемы, а интервьюер «непосредственно вовлечен в процесс исследования, а не просто получает «слепок реальности» [Квале, 2003: 15]. Относительно применения метода включенного наблюдения отметим, что согласно М. Резерфорду, оно «связано с фактическим принятием роли индивидов, которых исследователь изучает, вступлением в группу этих индивидов, их жизнь и работу в качестве члена группы. Этот метод предназначен для генерации более углубленного понимания группы, ее функционирования, норм, чего нельзя достигнуть, не будучи включенным наблюдателем, не участвуя в жизни группы» [Резерфорд, 2012: 93]. Это позволило нам, будучи непосредственно вовлеченными в профессиональную группу научно-педагогических работников, применить данный метод для получения релевантных данных.

При проведении такого рода качественных исследований важным является получение и интерпретация нарративов, имеющих особое значение при анализе долгосрочных мотивов профессий, связанных с неденежными факторами (в нашем случае — научно-педагогических работников). Это позволяет углубить понимание мотивации и влияние на нее тех или иных стимулов, идентифицировать, проектировать новые институты [Вольчик, 2017: 140].

Выше мы определили содержание именно концепта субъективного благополучия, так как концепты являются интерпретируемыми, доказуемыми и общепотребимыми категориями научной практики [Дембицкий, 2008: 104]. Именно концепты измеряемы и подвержены операционализации. Вербализацию концепта обеспечивает слово, а его методологическую интерпретацию — нарративный и дискурсивный анализ. Поскольку в результате использования качественного инструментария через полуструктурированные интервью мы получили слабоформализованные или неформализованные данные, целесообразно, по нашему мнению, использовать именно эти виды анализа. Дискурсы конституируют социальную реальность и идентификационные модели в современном обществе, а включение нарративов в круг релевантных вопросов значительно увеличивает, как указывает В. Вольчик, акцент на исследованиях роли социального контекста на целеполагание акторов, а также определяет их роль при формировании мотивации в экономическом поведении [Вольчик, 2017: 136].

Результаты и интерпретация

Поскольку понятие баланса работы и личной жизни предполагает некоторое представление об оптимальном балансе или его отсутствии, для решения задач настоящего исследования обозначим два подхода: первый предполагает оценку

жизненной ситуации индивида, его удовлетворенность функционированием на работе и в семье; второй подход включает в понятие баланса между работой и личной жизнью нескольких компонентов, по Дж. Гринхаусу, баланс времени, баланс включенности и баланс удовлетворения [Greenhaus et al., 2003; Моспан, 2014: 96]. Общая оценка способна объяснить контекст достижения баланса, поэтому в нашем исследовании для интерпретации связи баланса между работой и личной жизнью с профессиональными характеристиками и субъективным благополучием научно-педагогических работников использована именно эта модель. Для определения баланса между работой и личной жизнью в различных исследованиях используется ряд инструментов для измерения субъективного благополучия, релевантных организационному контексту:

- шкала удовлетворенности жизнью Э. Динера — адаптированная экспресс-методика для измерения оценки удовлетворенности жизнью в целом [Осин, Леонтьев, 2008];
- шкала баланса «работа-жизнь», измеряющая субъективное переживание неспособности балансировать требования работы и личной жизни [Иванова, Рассказова, Осин, 2012: 9];
- адаптированная версия опросника удовлетворенности трудом который включает вопросы, измеряющие удовлетворенность различными аспектами работы — заработной платой, условиями и организацией труда, руководством, коллективом, процессом и содержанием труда [Иванова, Рассказова, Осин, 2012: 6—7].

В этой связи считаем уместным в данной работе привести некоторые результаты, непосредственно связанные с тематикой баланса работы и личной жизни в проведенных нами на поисковом этапе исследования фокус-группах. Четыре фокус-группы «Анализ факторов субъективного благополучия НПП, составляющие профессиональной идентичности» [Скачкова, Щетинина, Крячко, 2018: 141] были проведены в апреле-июне 2018 г. с экспертами: научно-педагогическими работниками ЮФУ, Ростовского филиала Российской таможенной академии, корпоративного университета Сбербанка в г. Ростове-на-Дону. Они позволили выявить и оценить группу факторов, определяющих субъективное благополучие (рис. 1).

Анализ факторов субъективного благополучия научно-педагогических работников позволяет сделать вывод о том, что эксперты неудовлетворены доходом, наличием стрессовых ситуаций и неопределенностью, при этом почти полностью удовлетворены семьей, любовью и профессиональным благополучием. В качестве факторов последнего участниками выделены следующие: профессиональное развитие и признание, возможность академической мобильности, доход, предсказуемые «правила игры» (административный и деловой регламент, координация, трудовые рутины), коллектив, поддержка руководства, удовольствие от процесса научной и педагогической деятельности, а также балансы между научной и педагогической деятельностью и между работой и личной жизнью.

Проведенный нами поисковый этап позволил также идентифицировать удерживающие и отталкивающие факторы в профессиональной деятельности научно-педагогических сотрудников. Так, значимыми эмоциональными и поведенческо-регулятивными компонентами, формирующими их субъективное благополучие

и удерживающими в профессии, названы удовольствие от процесса преподавания и научной деятельности, престижность профессии, этос научно-педагогического работника (НПР), возможность передавать знания общению с молодежью, с творческими людьми, участие в грантах, а также возможность гибкого графика работы и перспектива длительного отпуска.

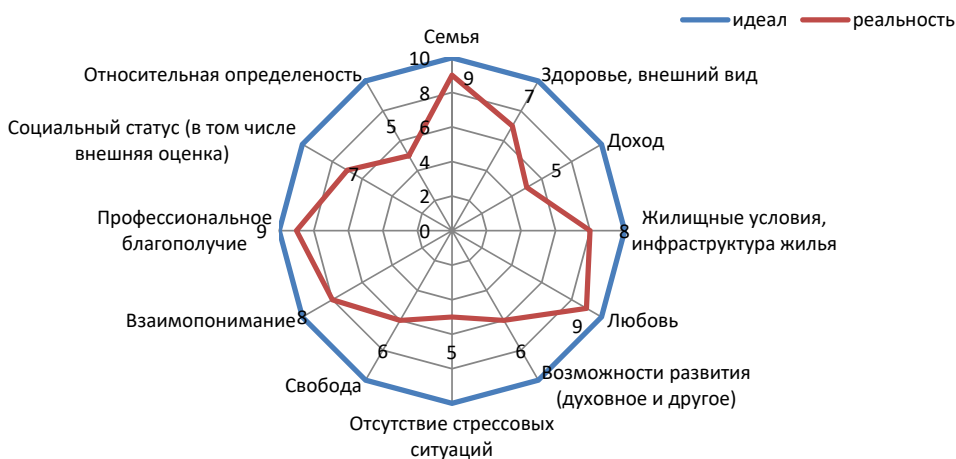


Рисунок 1. Оценивание факторов субъективного благополучия, выделенных экспертами фокус-групп «Анализ факторов субъективного благополучия НПР, составляющие профессиональной идентичности»

Среди факторов, снижающих ощущение субъективного благополучия и удовлетворенности от профессиональной деятельности, эксперты выделили неопределенность перспектив профессионального развития, оторванность реального уровня оплаты труда НПР от реального уровня жизни, профессиональное выгорание, нарастание бюрократической нагрузки [Филоненко, Яковлева, 2018: 165].

Этот фактор детерминировал одну из рабочих гипотез настоящего исследования — предположение о негативном влиянии на профессиональное благополучие НПР и баланс «работа-жизнь» современных реформ образования вследствие роста административной нагрузки и необходимости освоения новых формализованных стандартов работы с одновременной тенденцией прекариатизации академической среды.

Респонденты в проведенных нами глубинных интервью указывали на постоянно изменяющиеся «правила игры», неопределенность, бюрократизацию и влияние этих явлений на баланс работы и жизни: «постоянная включенность в рабочие процессы нарушает чувство баланса, указывает на недостаток времени, уделяемого семье, отсутствие уважения к часам личной жизни по профессиональным причинам, а высокая рабочая нагрузка не позволяет выделять достаточно свободного времени» (профессор, доктор экон. наук, 39 лет, женщина); «административная работа преподавателя, в том числе рейтинги, которые меняются ежегодно, делает процесс непредсказуемым и выступает источни-

ком рабочего стресса» (доцент, кандидат физмат. наук, 31 год, мужчина). Если факторами, способствующими росту субъективного благополучия в профессии респонденты признавали отсутствие узких профессиональных рамок, академические свободы, личную ответственность за результаты труда, мотивирующие «интересные профессиональные задачи», то факторами, снижающими ощущение субъективного благополучия, считали рост непредусмотренной рутинной административной и бюрократической нагрузки, что мешает сконцентрироваться на основной работе, а также «стресс от частого форс-мажора» (доцент, канд. псих. наук, 29 лет, женщина), непродуктивные потери времени: «качество преподавания от того, что я оформила тысячи бумажек никак не изменилось, только отняло время, силы, эмоции, которые я могла бы направить на студентов, проекты, статьи» (доцент, канд. экон. наук, 42 года, женщина).

Респонденты указывали, что рутинная бюрократическая нагрузка в академической среде отнимает время от профессионального развития, поиска и использования новых возможностей и влечет нарушение баланса времени как между счастливыми, деятельными профессиональными часами и рутинными, так и между работой и личной жизнью: «нагрузка, связанная с заполнением бумаг и отчетов отвлекает от основной деятельности — работы со студентами и научной работы» (доцент, канд. экон. наук, 36 лет, женщина); «уменьшение количества бумаг, которые приходится заполнять, даст возможность распоряжаться своим педагогическим, научным и свободным временем» (профессор, доктор экон. наук, 45 лет, женщина).

Эти данные вполне верифицируются с результатами проведенного в 2016 г. исследования научного коллектива ЮФУ «Институциональные изменения структуры российской сферы образования и адаптивное экономическое поведение». Респонденты (50 человек из сферы десяти вузов г. Ростова-на-Дону и Ростовской области) отмечали рост дополнительной нагрузки, не связанной с проведением занятий и научной деятельностью, которая переносилась и на свободное время. Фактор «огромной нагрузки», занимающий второе место по частоте упоминания респондентами, респонденты связывали не столько с аудиторной или научно-исследовательской нагрузкой, сколько именно с оформлением документов, отчетов и изменениями в формализации образовательного процесса. Ряд респондентов оценивали ситуацию как критичную, но, стремясь сохранить работу, они адаптировались к новым реалиям и меняли целевые установки [Вольчик, Филоненко, Аверкиева, Ширяев, 2016: 66], однако отмечали, что это приводит к разрушению позитивных профессиональных ценностей.

Следующая гипотеза исследования основывалась на значимости наличия свободного времени и гибкого графика работы как фактора, удерживающего в академической профессии. Респонденты высоко оценивают эту возможность: «научная работа позволяет работать в более гибком, удобном режиме. В других видах деятельности это невозможно — нужно прийти к 8 утра и до 18 выработать, а я даже за большие деньги не смог бы так работать» (старший научный сотрудник, канд. физ.-мат. наук, 63 года, мужчина). Респондент отмечает достаточное количество времени, которое посвящает собственному развитию, общению с творческими людьми, в том числе в социальных сетях и написанию научных статей.

Здесь уместно отметить, что в интерпретации нарративов имеет потенциал феноменологическая социология А. Шюца, П. Бергера, Т. Лукмана, объясняющая формирование мотивов, представлений и паттернов поведения общества в рамках индивидуальных биографических ситуаций отдельных индивидов, которые затем типизируются и институционализируются [Ядов, 2003: 393—395]. Так, о необходимости свободного времени не для отдыха, а для коммуникаций в профессиональной сфере респонденты указывали довольно часто: *«необходимо дать человеку спокойно работать, чтобы было время для научных коммуникаций (например, конференции)»* (профессор, доктор экон. наук, 47 лет, мужчина). Ряд респондентов позитивно оценивает баланс между работой и временем, уделяемым семье, но указывает на нехватку времени на социальное общение (друзья, хобби, путешествия).

При этом нарушения баланса труда и отдыха, по мнению респондентов, одновременно препятствует как развитию научного профессионального роста, так и полноценной личной жизни (доцент, канд. псих. наук, 31 год, женщина): *«для повышения качества жизни, помимо наличия оптимизма, принятия жизни, возможности саморазвития и деятельности, необходимо больше свободного времени»*. Респондент отмечает недостаток времени для развития научной карьеры в настоящее время, в то же время загруженность повседневными рабочими делами не позволяет заниматься личной жизнью, а *«в свободное время чаще всего приходится заниматься пассивным отдыхом, необходимым для восстановления сил»*.

При этом общеизвестно, что профессиональной деятельности российских учителей и преподавателей, помимо институционализированных 36 часов в неделю, свойственна ненормируемость в широком смысле, они часто осуществляют свою внеаудиторную работу за рамками установленной продолжительности рабочей недели. При этом респонденты признают: *«чем меньше у человека творческой профессии свободного времени, тем меньший он выдаст результат труда»*. Для показателей субъективного благополучия НПП фактор времени является ключевым.

Этот вывод подтверждается исследованием благополучия 1205 сотрудников российских производственных предприятий, проведенного в 2016 г. научным коллективом НИУ «Высшая школа экономики» (г. Москва). Полученные данные показали, что благополучие на работе связано с ощущением синергии между работой и личной жизнью, когда работа вдохновляет, а личная жизнь — поддерживает, эмоциональное истощение на работе связано с ощущением, что рабочие проблемы портят личную жизнь, а личные проблемы мешают работать. При этом в ряде случаев эмоциональное истощение на работе возникает в результате нерешённых проблем в личной жизни, а в других, напротив, приводит к ним [Моспан, Осин, Иванова, Рассказова, 2016: 22].

Респонденты нашего исследования определяют суть проблемы *«не в реальном недостатке времени, а в неумении его организовать, поскольку институт российского высшего образования более ориентирован на предоставление студентам технических навыков (hard skills), в ущерб социальным (soft skills)»* (профессор, доктор экон. наук, 47 лет, мужчина) и предлагают варианты поиска баланса: *«необходимо пытаться грамотно распределять свои ресурсы»* (доцент, канд. физмат. наук, 31 год, мужчина). Здесь уместно привести результаты исследования

Е. Рассказовой и Т. Ивановой по психологической саморегуляции, распределении времени и субъективном благополучии, некоторой субъективной переоценке проблемы распределения времени и тайминга. Эта проблема крайне важна в отдельных жизненных сферах и для конкретных людей, но удачное распределение времени может быть хорошим предиктором эффективности деятельности, а не благополучия. Так, при расхождении в оценках важности и времени склонность ориентироваться на действие при неудаче препятствует неудовлетворенности жизнью и негативным эмоциям, а готовность к планированию — компенсирует снижение позитивных эмоций. Ученые утверждают: если человек замечает и переживает «нехватку» времени, но готов действовать, ему легче преодолеть свои негативные переживания и восстановить положительный эмоциональный фон, а развитие этих навыков может способствовать большему благополучию человека даже в условиях неоптимального распределения времени [Рассказова, Иванова, 2016: 20].

Следующая гипотеза взаимозависимости осознания высокой ценности профессиональной деятельностью и меньшей выраженности дисбаланса между работой и жизнью полностью подтвердилась: респонденты, обозначившие дискурс о любимой, вдохновляющей работе, имеют высокую субъективную удовлетворенность профессиональной деятельностью и демонстрируют меньшую выраженность дисбаланса: *«это именно та профессия, которая мне нужна, мне нравится всё время быть на кончике знаний, постоянно узнавать что-то новое, это вдохновляет и мотивирует!»* (доцент, канд. экон. наук, 45 лет, женщина). Этот респондент взаимосвязь баланса рабочих и личных часов с субъективным благополучием в целом оценивает позитивно, отмечает достаточность свободного времени для общения с семьей и близкими людьми.

Респонденты отмечают, что получают удовлетворение от выполняемой работы, поскольку она требует нестандартного мышления, не имеет жестких регламентов, предполагает постоянное общение с людьми, с молодежью, что даёт новые эмоции и знания, высоко оценивают роль свободы профессионального выбора и академических ценностей профессии НТР в субъективном благополучии: *«направления и тематика научных исследований, социальная значимость выполняемой работы, возможность личного развития, получение позитивной обратной связи от студентов, совместные научные проекты с коллегами, гибкий график работы»* (доцент, канд. филолог. наук., 40 лет, женщина). Доцент, кандидат псих. наук, 29 лет, женщина, отмечает: *«способствует росту профессионального субъективного благополучия понимание того, что занимаешься любимым делом, получаешь от этого удовольствие, когда можешь полностью самореализоваться. Очень нравится работать со студентами и видеть эмоциональную отдачу от студентов».*

Социальную значимость научно-педагогической деятельности отметили большинство респондентов, что позволяет выделить ее в отдельный дискурс: *«наша профессия является социально-значимой, поэтому главным фактором роста субъективного благополучия является профессиональная идентичность. Здесь важны многие компоненты, это и значимость профессии для самого человека и других социальных групп, это творческая составляющая профессии и организационная атмосфера, которая признает ценность мнения каждого индивида в организации»*

(профессор, доктор экон. наук, 47 лет, мужчина). Респондент отмечает важность разделения ценностей вуза, где работает человек, значимость ценностей кооперации, сотрудничества и солидарности. Взаимовлияние профессии и уровня субъективного благополучия подтверждает большинство респондентов, высказывая общее мнение, что работа преподавателя вызывает положительные эмоции, является интересной по ряду причин, в том числе — наличия общения с молодежью.

Отмеченная удовлетворенность профессией или, в терминах позитивной организационной психологии, увлеченность работой (*work engagement*), понимаемая в концепции В. Шауфели и А. Бэккера как показатель позитивного, связанного с профессиональными обязанностями психологического состояния [Schaufeli, Bakker, 2010: 11], разумеется, не претендует на статус предиктора наличия баланса труда и личной жизни, однако такая взаимосвязь выявляется нашими респондентами. Она подтвердилась также респондентами исследования Е. Мандриковой, А. Горбуновой (4708 сотрудников индустриальной российской компании теплоэнергетического сектора) — увлеченность работой и общая удовлетворенность жизнью определены ими как медиаторы, а жизнестойкость как предиктор и независимая переменная показали значимую положительную связь с интегральным показателем удовлетворенности трудом [Мандрикова, Горбунова, 2012: 18].

В ходе исследования протестировали одну из моделей взаимоотношения между работой и личной жизнью, предложенных С. Зедеком, К. Мозьером и М. О’Дрисколлом [Zedeck, Mosier, 1990; O’Driscoll, 1996] — модель побочного эффекта (*spillover model*), обосновывающую влияние одной сферы на другую в позитивном или негативном ключе. Подтвердилась также инструментальная модель (*instrumental model*) — одна сфера содействует успеху в другой сфере: *«те профессии, в которых люди чувствуют себя уверенно, делают их более счастливыми»* (доцент, канд. техн. наук, 57 лет, мужчина). Вместе с тем нарушение баланса труда и личной жизни ощущается и респондентами, которым присуща увлеченность работой: *«работа интересная и содержательная за счет учебного процесса и взаимодействия со студентами. Однако вследствие занятости, время, уделяемое общению с близкими людьми, нечастое и недостаточное»* (профессор, доктор физ.-мат. наук, 55 лет, мужчина); *«субъективное ощущение благополучия в профессии — это возможность заниматься любимым делом, например, получение удовольствия от общения со студентами. Но плохо, очень плохо со свободным временем, потому что тяжело совмещать работу преподавателем, административную работу, научную работу и семью»* (доцент, доктор экон. наук, 44 года, женщина).

Гипотеза о наличии значимой связи баланса «работа — личная жизнь» с особенностями академической профессии (увлеченность работой, академические ценности) и субъективным благополучием жизни подтверждена. Субъективное благополучие имеет значимую обратную связь с балансом, то есть чем выше субъективная удовлетворенность жизнью, тем ниже степень выраженности дисбаланса. В целом основным результатом исследования является установление связей баланса «работа — личная жизнь» с профессиональными характеристиками, а также с ощущением субъективного благополучия в целом. Дисбаланс значимо связан с профессиональными особенностями научно-педагогических работников и субъективным благополучием: сотрудники вузов, занимающиеся

научной, педагогической и административной деятельностью, несут большую ответственность за работу и результат этой работы, в этой связи «постоянная включенность» негативно сказывается на балансе личной и профессиональной жизни, хотя и является основой успешности академической деятельности.

Заключение

Полученные в результате проведенных глубинных интервью данные интерпретированы в рамках моделей взаимоотношения между работой и личной жизнью с учетом факторов баланса и сопоставлены с проведенными российскими исследованиями, а используемый при этом нарративный анализ позволил определить баланс между потребностями индивида и социальной группы и понимать особенности социального контекста, в котором происходят действия данной профессиональной группы. Исходя из этого, углублено понимание детерминант субъективного благополучия научно-педагогических работников вузов и идентифицирован вклад в этот феномен фактора баланса интенсивности работы и качества личной жизни.

Выявленная связь баланса работы и личной жизни с академическими ценностями трудовой деятельности проявляется в следующем: чем выше уровень осознания ценности академической профессии, чем сильнее позитивные оценки преобладают над негативными, тем меньше дискомфорта ощущает человек в совмещении работы и личной жизни. Это обусловлено тем, что одной из главных составляющих субъективного благополучия является аффективный компонент, связанный с переживанием положительных эмоций и ощущений; межличностными коммуникациями; социальной компетентностью. Так как параметр организационного климата включает шкалу положительных и негативных эмоций и связан с балансом, субъективная удовлетворенность жизнью также коррелирует с ним.

Практическим выводом данного исследования является обнаружение детерминант баланса между работой и личной жизнью и признание важности ценностей академической профессии и социального контекста в достижении баланса дает возможность расширить потенциал научных и управленческих практик повышения результативности труда персонала образовательных организаций, представляет управленческий интерес не только для организации, но и для благополучия человека в целом.

Список литературы (References)

Антипина О. Н. (2012). Экономическая теория счастья как направление научных исследований // Вопросы экономики. № 2. С. 94—107.

Antipina, O.N. (2012). Economic theory of happiness as a direction of scientific research. *Economic Issues*. No. 2. P. 94—107. (In Russ.)

Березовская Р. А. (2016). Профессиональное благополучие: проблемы и перспективы психологических исследований // Психологические исследования. Т. 9. № 45. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2016v9n45/1232-berezovskaya45> (дата обращения: 12.01.2019).

- Berezovskaya, R. (2016). Professional well-being: problems and prospects of psychological research. *Psychological research*. Vol. 9. No. 45. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2016v9n45/1232-berezovskaya45.htm> (accessed: 12.01.2019). (In Russ.)
- Вольчик В. В. (2017). Нарративная и институциональная экономика // Журнал институциональных исследований. Том 9. № 4. С. 132—143.
- Volchik V. V. (2017). Narrative and institutional Economics. *Journal of Institutional Studies*. Vol. 9. No. 4. P. 132—143. (In Russ.)
- Вольчик В. В., Зотова Т. А., Филоненко Ю. В., Фурса Е. В., Кривошеева-Медянцева Д. Д. (2015). Идентификация направлений институциональных изменений в сфере российского высшего образования // *Journal of Economic Regulation*. Т. 6. № 2. С. 114—131.
- Volchik, V. V., Zotova, T. A., Filonenko, Y. V., Fursa, E. V., Krivosheeva-Medyantseva, D. D. (2015). Identification of institutional changes directions in the Russian higher education sphere. *Journal of Economic Regulation*. Vol. 6. No. 2. P. 114—131. (In Russ.)
- Вольчик В. В., Филоненко Ю. В., Аверкиева Е. С. и Ширяев И. М. (2016). Бюрократизация и адаптивное поведение в сфере высшего образования // *Journal of Economic Regulation (Вопросы регулирования экономики)*. Т. 7. № 4, с. 57—71.
- Volchik V. V., Filonenko Yu. V., Averkieva E. S. and Shiryayev I. M. (2016). Bureaucratization and adaptive behavior in the field of higher education. *Journal of Economic Regulation (Economic Regulation Questions)*. Vol. 7. No. 4. P. 57—71. (In Russ.)
- Дембицкий С. (2008). Теоретическая валидность измерительной процедуры и смещение данных в социологическом исследовании // *Социология: теория, методы, маркетинг*. № 3. P. 99—118.
- Dembitsky S. (2008). Theoretical validity of measuring procedure and data shift in sociological research. *Sociology: theory, methods, marketing*. No 3. P. 99—118. (In Russ.)
- Ефимов В. М. (2011). Дискурсивный анализ в экономике: пересмотр методологии и истории экономической науки (часть 1) // *Экономическая социология*. Т. 12, № 3. С. 15—53.
- Efimov V. M. (2011). Discourse analysis in Economics: a review of economic science methodology and history (part 1). *Economic sociology*. Vol. 12. No. 3. P. 15—53. (In Russ.)
- Зборовский Г. Е. (2008). Метaparадигмальная модель теоретической социологии // *Социологические исследования*. 2008. № 4. С. 3—19.
- Zborovskiy G. E. (2008). Metaparadigmatic model of theoretical sociology. *Sociological studies*. No. 4. P. 3—19. (In Russ.)
- Иванова, Т. Ю., Рассказова, Е. И., Осин, Е. Н. (2012). Структура и диагностика удовлетворенности трудом: разработка и апробация методики // *Организационная психология*. № 2 (3). С. 2—15.
- Ivanova, T. Yu., Rasskazova, E. I., Osin, E. N. (2012). Structure and diagnosis of job satisfaction: development and testing of methods. *Organizational psychology*. Vol. 2 (3). P. 2—15. (In Russ.)

Институциональные изменения структуры российской сферы образования и адаптивное экономическое поведение (на примере Ростовской области) (2017): монография (В. Вольчик, Е. Фурса, Ю. Филоненко, Т. Зотова, и др.). Ростов-на-Дону; Таганрог : Издательство ЮФУ, 212 с.

Institutional changes in the structure of the Russian education sector and adaptive economic behavior (on the example of the Rostov region) (2017): monograph (V. Volchik, E. Fursa, Y. Filonenko et al.). Rostov-on-Don; Taganrog: SFU, 212 p. (In Russ.)

Квале С. (2003). Исследовательское интервью. М. : Смысл. 301 с.

Kvale, S. (2003). The research interview. Moscow: Smysl. (In Russ.)

Кислицына О. А. (2016). Измерение качества жизни/благополучия: международный опыт. М. : Институт экономики РАН, 2016. 62 с.

Kislitsyna O. A. (2016). Measuring quality of life/well-being: international experience. M.: Economics Institute RAS, 2016, 62 p. (In Russ.)

Козырева П. М., Низамова А. Э., Смирнов А. И. (2015). Счастье и его детерминанты (статья 1) // Социологические исследования. № 12. С. 120—132.

Kozyreva P. M., Nizamova A. E., Smirnov A. I. (2015). Happiness and its determinants (article 1). *Sociological studies*. No. 12. P. 120—132. (In Russ.)

Мандрикова Е. Ю., Горбунова А. А. (2012). Взаимосвязь увлеченности работой, личностных ресурсов и удовлетворенности трудом сотрудников // Организационная психология. 2012. Т. 2. № 4. С. 2—22.

Mandrikova E. Yu., Gorbunova A. A. (2012). The relationship of passion for work, personal resources and employee satisfaction. *Organizational psychology*. Vol. 2. No. 4. P. 2—22. (In Russ.)

Моспан А. Н. (2014). Взаимосвязь баланса между работой и личной жизнью с демографическими и трудовыми характеристиками личности и ее субъективным благополучием // Организационная психология. 2014. Т. 4. № 3. С. 95—107.

Mospan A. N. (2014). The relationship between work and personal life balance with demographic and labor characteristics of personality and its subjective well-being. *Organizational psychology*. Vol. 4. No. 3. P. 95—107. (In Russ.)

Моспан А. Н., Осин Е. Н., Иванова Т. Ю., Рассказова Е. И., Бобров В. В. (2016). Баланс работы и личной жизни у сотрудников российского производственного предприятия // Организационная психология. 2016. Т. 6. № 2. С. 8—29.

Mospan A. N., Osin E. N., Ivanova T. Yu., Rasskazova E. I., Bobrov V. V. (2016) The work-life balance of the Russian manufacturing enterprise employees. *Organizational Psychology*. Vol. 6. No. 2. P. 8—29. (In Russ.)

Осин, Е.Н., Леонтьев, Д.А. (2008). Апробация русскоязычных версий двух шкал экспресс-оценки субъективного благополучия. В сб.: Материалы III Всероссийского социологического конгресса. М. : Институт социологии РАН, Российское общество социологов. URL: <https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/folder/pjuun7fz60/direct/78753837> (дата обращения: 13.01.2019).

Osin E. N., Leontiev D. A. (2008). Russian versions testing of subjective well-being rapid assessment two scales. In: Materials III Russian sociological Congress. Moscow:

Institute of sociology, Russian society of sociologists. URL: <https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/folder/pjuun7fz60/direct/78753837> (accessed: 13.01.2019). (In Russ.)

Рассказова Е. И., Иванова Т. Ю. (2016) Распределение времени в структуре психологической саморегуляции: связь с субъективным благополучием // Вестник ЮУрГУ (сер. «Психология»). Т. 9. № 4. С. 13—24.

Rasskazova E. I., Ivanova T. Yu. (2016) Time distribution in the psychological self-regulation structure: connection with subjective well-being. *Bulletin of the South Ural State University. Series "Psychology"*. Vol. 9. No. 4. P. 13—24. (In Russ.)

Резерфорд М. (2012). Полевые, тайные и включенные наблюдатели в американской экономике труда: 1900—1930 годы // TERRA ECONOMICUS, Т. 10, № 4. С. 91—106.

Rutherford M. (2012). Field, secret and included observers in the American labor economy: 1900—1930. *TERRA ECONOMICUS*. Vol. 10. No. 4. P. 91—106. (In Russ.)

Селигман М. (2013). Путь к процветанию. Новое понимание счастья и благополучия. М. : Манн, Иванов и Фербер, 2013, 440 с.

Seligman M. (2013). Path to prosperity. A new understanding of happiness and well-being. Moscow: Mann, Ivanov and Ferber. 440 p. (In Russ.)

Скачкова Л. С., Щетинина Д. П., Крячко В. И. (2018) Факторы субъективного благополучия научно-педагогических работников: результаты фокус-групп // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2018. № 4. С. 138—146.

Skachkova L. S., Shchetinina D. P., Kryachko V. I. (2018). Subjective well-being factors of scientific and pedagogical workers: focus groups results. *State and municipal management. Scientific notes*. No. 4. P. 138—146. (In Russ.)

Творогова Н. Д., Кулешов В. А. (2017). Преподаватель отечественного вуза перед вызовами современности // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. № 3. С. 3—21.

Tvorogova N. D., Kuleshov V. A. (2017). University Teacher before the challenges of modernity. *Bulletin of Moscow University, 14. Psychology*. No. 3. P. 3—21. (In Russ.)

Филоненко Ю. В., Яковлева Е. А. (2018). Факторы и компоненты субъективного благополучия научно-педагогических работников современных университетов // JOURNAL OF ECONOMIC REGULATION (Вопросы регулирования экономики). Том 9, № 4. С. 160—177.

Filonenko Y. V., Yakovleva E. A. (2018). Subjective well-being factors and components of modern universities scientific and pedagogical workers. *JOURNAL of ECONOMIC REGULATION*. Vol. 9. No. 4. P. 160—177. (In Russ.)

Флербе М. (2012). За пределами ВВП: в поисках меры общественного благосостояния (часть II) // Вопросы экономики. № 3. С. 32—51.

Fleurbaey M. (2012). Beyond GDP: the quest for a measure of social welfare (part II). *Economics Problems*. No. 3. P. 32—51. (In Russ.)

- Хашченко В. А. (2011). Субъективное экономическое благополучие и его измерение: построение опросника и его валидизация // Экспериментальная психология. Том. 4. № 1. С. 106—127.
- Khashchenko V. A. (2011). Subjective economic well-being and its measurement: questionnaire construction and its validation. *Experimental psychology*. Vol. 4. No. 1. P. 106—127. (In Russ.)
- Хвостикова В. А. (2012). Удовлетворенность работой и субъективное благополучие сотрудника как фактор эффективности деятельности организации // Социальная психология и общество. № 1. С. 26—39.
- Khvostikova V. A. (2012). Job satisfaction and subjective well-being of the employee as a factor of organization efficiency. *Social psychology and society*. No. 1. P. 26—39. (In Russ.)
- Шамяионов Р. М. (2010). О некоторых преобразованиях структуры субъективного благополучия личности в разных условиях профессиональной социализации // Мир психологии. № 1. С. 237—249.
- Shamionov R. M. (2010). On some transformations of the structure of subjective well-being in different conditions of professional socialization. *World of psychology*. No. 1. P. 237—249. (In Russ.)
- Штейнберг И., Шанин Т., Ковалев Е., Левинсон А. Качественные методы. Полевые социологические исследования. СПб. : Алетей, 2009.
- Shteinberg I., Shanin T., Kovalev E., Levinson A. (2009). Qualitative methods. Field case studies. St. Petersburg: Aletheia. (In Russ.)
- Ядов В. А. (2003). Стратегия социологического исследования: описание, объяснение, понимание социальной реальности. М. : Добросвет. 596 с.
- Yadov V. A. (2003). Strategy of sociological research: description, explanation, understanding of social reality. Moscow: Dobrosvet, 596 p. (In Russ.)
- Akerlof G. A., Snower D. J. (2016). Bread and bullets. *Journal of Economic Behavior & Organization*, 126, 58—71.
- Diener E., Seligman M. E. P. (2004). Beyond money: Toward an economy of well-being. *Psychological Science in the Public Interest*. No. 5. P. 1—31.
- Easterlin R. A. (2005). Building a Better Theory of Well-Being. Economics and happiness: framing the analysis. New York: Oxford University Press Inc.
- The Global Education Monitoring (GEM) Report (2017). URL: <https://en.unesco.org/gem-report/> (accessed: 13.01.2019).
- Greenhaus J. H., Collins K. M., Shaw J. D. (2003). The relation between work-family balance and quality of life. *Journal of Vocational Behavior*. Vol. 63. P. 510—531.
- Guest D. (2002). Perspectives on the study of work-life balance. *Social Science Information*. Vol. 41. P. 255—279.
- Inglehart R. F., Welzel C. (2010). Agency, Values, and Well-Being: A Human Development Model. *Social Indicators Research*. No. 97. P. 43—63.

Kahneman, D., Deaton A. (2010). High Income Improves Evaluation of Life but not Emotional Well-Being. *Proceedings of the National Academy of Sciences*. No. 107. P. 16489—16493.

Kuipers T. (2001) Structures in Science: Neo-Classical Science Philosophy. Heuristic Patterns Based on Cognitive Structures An Advanced Textbook in Neo Classical Philosophy of Science. N.Y.: Springer. 414 p.

Layard R. (2010). Measuring Subjective. *Well-Being Science*. 29. Vol. 327. No. 5965. P. 534—535.

O'Driscoll M. (1996). The Interface between Job and Off-Job Roles: Enhancement and Conflict, in C. Cooper and I. Robertson (eds.). *International Review of Industrial and Organizational Psychology*. Vol. 11. P. 279—306.

Oswald A., Proto E., Sgroi D. (2015). Happiness and productivity. *Journal of Labor Economics*. No. 33 (4). P. 789—822.

Rath T., Harter, J. (2010). Wellbeing: The Five Essential Elements. Gallup Press.

Schaufeli W., Bakker A. (2010). Defining and measuring work engagement: Bringing clarity to the concept. In A. Bakker, M. Leiter (eds.) *Work engagement: A handbook of essential theory and research* (5—24). Psychology Press.

Stiglitz J., Sen A., Fitoussi J. (2009). Report by the Commission on the Measurement of Economic Performance and Social Progress, Paris: The Commission. URL: http://www.communityindicators.net/system/publication_pdfs/9/original/Stiglitz_Sen_Fitoussi_2009.pdf?1323961027 (accessed: 11.02.2019).

Van Horn J. E., Taris T. W., Schaufeli W. B., Schreurs P. J. G. (2004). The structure of occupational wellbeing. *Journal of Occupational and Organizational Psychology*. No. 77. P. 365—375.

Veenhoven R. (2005). Well-being in nations and well-being of nations: Is there a conflict between individual and society. Social Indicators United States and Germany. *Journal of Gerontology: Social Sciences*. No. 60. P. 29—136.

Warr P. (2013). How to Think About and Measure Psychological Well-being. *Research Methods in Occupational Health Psychology: Measurement, Design and Data Analysis*. New York: Psychology Press.

Zedeck S., Mosier K. (1990). Work in the Family and Employing Organization. *American Psychologist*. No. 45. P. 240—251.